

Русская мысль. - Париж. - 1996. -  
**Судьбы людские** 1 февр. с. 15.  
**и Божий промысел**

Российско-польский фильм "За что?" режиссера Ежи Кавалеровича по одноименному рассказу Льва Толстого

"Невыносимо" — так назывался один из первых вариантов рассказа, написанного Львом Толстым на склоне лет по материалам польского восстания 30-х годов прошлого века. Эти материалы были приведены в книге историка-этнографа С.Максимова "Сибирь и каторга", изданной в 1871 году.

В первоначальном названии рассказа звучала и горечь Толстого по поводу политического катаклизмов прошлого, разделивших русский и польский народы долгой враждой, и его гнев по адресу российской императорской власти, эту вражду подкреплявшей.

В окончательном варианте рассказ получил название "За что?", и в его кинематографической версии, созданной Ежи Кавалеровичем, откровенно обличительные моменты оказались несколько смягченными: то ли из соображений корректности и такта со стороны польского режиссера, то ли из-за временной дистанции, поскольку картину отделяет от написания рассказа целый век.

Есть нечто беспрецедентное в самом факте создания Львом Толстым произведения о судьбе польского мятежника, сосланного императорским указом в далекую зауральскую крепость.

Со свойственной ему безоглядной внутренней свободой Толстой с откровенной симпатией рассказывает о борьбе поляков за независимость, с презрением осуждая Николая I и его ставленников, заливавших

к р о в ь ю  
землю своих  
братьев-славян  
и отдавших их  
вновь "во власть  
слабых и ничтожных  
людей".

Толстой умел, рассказывая о событиях и людях, ни в грош не ставить любые, в том числе и политические, барьеры, которые могли бы для иного стать камнем преткновения в выражении собственного художественного видения. Для него существовал лишь суд собственной совести. Точно так же (примерно в эти годы) он писал и своего "Хаджи Мурата", увидевшего свет лишь после смерти писателя.

Независимость Толстого от каких бы то ни было внешних политических, церковных и прочих ограничений и запретов дразняще заразительна для всякого подлинного художника. Наверное, здесь лежат истоки и другого, весьма неординарного факта, что режиссер такого ранга, как Ежи Кавалерович, нимало не смущаясь настороженностью на своей родине ко всему, что связано с русской культурой, взялся за экранизацию рассказа Толстого. Он открыто откликнулся на его зов рассказывать о мире и людях, их связях и судьбах поверх всех барьеров, которые могут воздвигаться превращениями истории и которые всегда преходящи.

Микеланджело создавал статуи, отсекая, по собственным его словам, все лишнее от куска мрамора. В своем материале так же действовал и Лев Толстой: известно, что рассказ "За что?" он переделывал 15 раз, прежде чем выпустить в свет. Добытую им чистоту, строгость повествования и рельефность в обрисовке характеров режиссер сумел бережно перенести на экран. В изображении словно бьется живой пульс, оно дышит как живое, каждый кадр выстроен почти как законченная картина, ничего лишнего, и все, что положено быть сказано, говорится и показывается внятно и выразительно.

"За что?" — это поздний Толстой, 78-летний старик, сохранивший мощь художественного дара, но уже раздраемый

религиозными сомнениями и комплексами, "вероучитель", восставший против традиционного православия.

В рассказе уже нет той стихии пантеизма, которая так одухотворяла "Казаков" или "Войну и мир". Но вместо телесной, перекикающей с природой "физики" родилась "метафизика", и прежде всего в мучительнейшей для всякого религиозного идеолога форме теодицеи, объяснения и оправдания царящего в мире зла. Как объяснить его, если, согласно Писанию, ни один волос не упадет с головы смертного без воли на то Творца? А для Толстого с его версией рассудочного православия эта проблема была особенно мучительной. Поэтому, наверное, и название рассказа — это крик души.

сийскими подданными) не находила соответствующего отзвука в народе, а тем более, если это происходило в глуши.

Жаль, что авторы не восприняли вполне эту характерную для Толстого убежденность, и в картине взводный командир дает волю своему произволу по отношению к бунтовщикам, как если бы он делал это по такому приказу власть предержащих, который ему внутренне созвучен. А между тем, у Толстого отношение коменданта крепости к разжалованному и осужденному на солдатскую лямку польским шляхтичам вполне уважительное и почти отеческое.

Не далась авторам до конца и толстовская "метафизика". За что все муки, которые выпали на долю Мигурского и Альбины? То ли за то, что как повстанец

Сцены из  
фильма  
"За что?"  
Режиссер  
Е.Кавалерович.  
(По одноименному  
рассказу  
Льва Толстого)



он стрелял в братьев-русских, то ли за то, что, замыслив побег, супруги совершили кощунство и потревожили прах умерших детей, спрятав беглеца в ящик, где должны были находиться их гробы? В какие конечные уравнения вписывается судьба, выпавшая на долю героев? И почему они должны отвечать за эти замыслы? В подобных вещах Толстой (особенно в поздние годы) был далек от кротости, а ответов требовал со всей строгостью.

Ведь не случайно казак Данило Лифанов, исправно несший службу и выданный беглеца начальству, после его ареста горько смущается душой и напивается до потери сознания, чтобы заглушить голос совести, хотя он и поступил в согласии с нормами, которые исполнял всю жизнь. Выбитый из всех привычных устоев, он бредет по степи и, словно подкошенный неразрешимой думой, падает в изнеможении на иссохшую землю. Тем и кончается фильм. И это представляется абсолютно правильным, поскольку он и должен кончаться на самой высокой ноте.

И все-таки что должны думать мы, и как отвечать на вопрос, вынесенный в название фильма, который, кстати, в испуге бросает в пространство и героиня после роковой неудачи побега?

Фильм ни прямо, ни косвенно, ни пластикой, ни формой, в которых разворачивается изображение, не дает на то ответа, оставляя каждого наедине с одной из самых таинственных загадок бытия. Ведь бывают антиномии, заведомо не имеющие решения, то ли оттого, что в самих запросах преступлены пределы человеческого дерзновения, то ли оттого, что обращены они не по адресу.

Тем более все это имеет отношение к области, где человек сталкивается с явлениями, порожденными работой фантазии, воображения. Известно, что в Польше после смерти Толстого были опубликованы полные мемуары Мигурского, отбывавшего после неудачного побега сибирскую ссылку, а затем вернувшегося на родину (Толстой были известны лишь выдержки из них). Они заметно отличаются от того, как выстроен рассказ. Но подлинником стоило ли соблазняться? Ведь, как свидетельствовал еще Аристотель, поэт, в отличие от историка, рассказывает не только о том, что было, но и о том, что могло быть.

Авторы фильма мудро пошли по этому пути.

Думается, вполне правомерно, что для авторов сценария (Павла Финна, Ежи Кавалеровича, Валерия Пендраковского и Александра Бондарева), как и для оператора Михаила Аграновича, независимо от того, что рассказ написан в 1906 году, Толстой существует в единстве всех черт его индивидуальности.

Поэтому на экране мы видим природу такой, как ее мог бы изобразить Толстой своей цветущей поры: это не безликая "среда", а легкая колышущая ветром степь без конца и края, способная "погасить" человека, особенно в непогоду, когда метет поземка, усмирить все его порывы и иногда звинтить до истерики своей непреодолимостью.

Что и происходит с героиней рассказа, достойно сыгранной польской актрисой Магдаленой Вуйчик. В ее натуре, как она нарисована Толстым и представлена на экране, угадываются многие черты любимых героинь писателя: Наташи Ростовской, княжны Марьи.

Авторы фильма строго блюдают чувство меры и почти не допускают от себя. А то, что придумано, в целом никак не противоречит духу Толстого. Такова, например, линия Маши, уроженки тех зауральских мест, магию которых она несет в себе, как когда-то в "Живом трупе" другая Маша, цыганка, манила Федю Протасова ощущением бескрайней воли.

Толстой безошибочно ощущал пропасть, которая отделяет российский престол и власть имущих от простого народа. И не только в смысле состояния, положения, но по складу ума, по тому, как люди думают, чувствуют, поступают. В этом смысле ненависть царского режима к польским бунтовщикам (хотя после третьего раздела Польши "Священным союзом" они стали рос-

ЛЕОНИД ПАЖИТНОВ

Москва